

Британское время, бенгальское пространство: тема миграции и иммигрантов в романе Моники Али «Брик Лейн»

Англоязычная литература Индии занимает особое место как в национальной, так и в мировой литературе, возникнув в результате взаимодействия двух культур: европейской и индийской. Благодаря английскому языку индийцы стали познавать наследие мировой культуры, из которого они восприняли очень многое и пытались перенести эти знания на индийскую почву. Разрабатывая давно апробированные поэтические и прозаические жанры, индийцы наполнили их образами и аллюзиями, свойственными только индийскому восприятию мира.

Современный этап развития англоязычной литературы связан с желанием авторов индийского происхождения познакомить европейского читателя с традиционным миром индийского социума в целом (и бенгальского в частности), а также с проблемами, которые актуальны для мигрантов, оказавшихся в новом, непривычном для них инокультурном обществе.

Один из таких примеров — роман Моники Али «Брик Лейн». Автор романа родилась 20 октября 1967 г. в Восточной Бенгалии в Дакке (с 1971 г. — столице независимого государства Бангладеш). Ее отец родом из района Майменсинх в Бангладеш, а мать — из Англии. М. Али получила образование в Болтон Скул (Bolton School), позднее окончила Вадхам колледж в Оксфорде (Wadham College) по специальности «философия, политика и экономика». Известно, что в настоящее время Моника Али живет на юге Лондона вместе с мужем и детьми.

Роман «Брик Лейн» — дебютная работа писательницы. Он был написан в 2003 г. и в этом же году был номинирован на Букеровскую премию¹.

На примере романа М. Али «Брик Лейн» можно рассматривать не только проблематику внутрисемейных отношений, принятых в большинстве традиционных бангладешских семей. Особое внимание автор уделяет тому, как эти отношения меняются в инокультурной среде, и через судьбы своих персонажей раскрывает перед читателем различные варианты адаптации и интеграции в западном обществе, или же наоборот, показывает неспособность героев принять новые культурные ценности.

В качестве основной из обширного спектра проблем, связанных с культурной адаптацией, автор выделяет следующую тему: как меняется мир женщины в традиционном и нетрадиционном обществе, как взаимодействуют различные поколения, насколько взгляды старшего поколения остаются актуальными для молодежи в нетрадиционном для них обществе, а также многое другое.

Одним из главных мотивов произведения становится стремление к свободе. Оно меняет всю жизнь героев, их мировоззрение, семейные ценности, жизненный уклад.

Как правило, в традиционной мусульманской семье человек редко имеет свободу выбора. Это особенно характерно для женщины, которая не может решать свою судьбу. С рождения и до брака все важные решения принимаются ее родителями, а после брака, она должна принимать все решения мужа и его родственников. Молодые люди, как девушки, так и юноши, в традиционной семье обязаны следовать советам старших относительно учебы, выбора будущих брачных партнеров, а также места, где им работать вне дома, если им вообще это будет позволено (последнее относится к девушкам и женщинам).

В романе «Брик Лейн» описывается жизнь уроженки Бенгалии Назнин, воспитанной в традиционной мусульманской семье. Родные выдали ее замуж за мужчину вдвое старше, которого раньше она никогда не видела, и отправили в Англию. Дом ее мужа Шану находится в квартале, где живут в основном иммигранты из Бангладеш. Приехав сюда, она продолжает жить по традициям своей страны, делает то, что ждет от нее муж, и долгое время ей удается сохранять привитые с детства культурные и социальные традиции. «Раз нельзя изменить, то надо принять. И раз ничего нельзя изменить, то все надо принимать» [Али 2005: 38–39], — таков главный жизненный принцип героини, которому она следовала с детства. Этот принцип не просто отличительная особенность героини, это скорее характерная черта для большинства людей, живущих в традиционной мусульманской культуре.

Назнин, рожденная в семье бенгальских земледельцев, приспосабливается к новой для нее жизни: и в семье с незнакомым ей мужчиной, и к жизни в большом городе, и к незнакомым ей прежде культурным привычкам чужой страны.

Муж героини Шану работает в государственном совете и мечтает о повышении по службе, раскладывает на кровати свои многочисленные дипломы и постоянно говорит о собственной образованности, начитанности и принадлежности к высокой культуре. Однако время идет, а повышения все нет. Повышают всех, кроме Шану. Со временем он понял, что из-за его принадлежности к другой нации он так и не добьется в этом учреждении карьерного роста. На примере случая с Шану автор раскрывает перед читателем проблему так называемого «бытового расизма», когда проявляется дискриминация по расовому признаку при приеме на работу или продвижении по службе.

Семейная жизнь Шану и Назнин долгое время идет по традиционному пути. Назнин выполняет все обязанности жены, хозяйки и супруги, почитает мужа. Она смиряется со своей судьбой, ведет дом, терпит прикосновения нелюбимого человека по принципу «стерпится-слюбится», срезает мужу ороговевшую кожу на мозолях и не мыслит себя вправе решать что-либо самой.

Тем не менее, наблюдая за жизнью вне дома, Назнин все больше начинает интересоваться, что происходит в мире, который ее окружает. Ее дом расположен в квартале, где живут преимущественно мигранты из Бангладеш. Назнин постепенно знакомится с некоторыми женщинами из квартала — Разией и Миссис Ислам, которые живут в Англии более длительное время. От них она

узнает последние сплетни и новые для нее реалии британского общества, а также запоминает новые английские слова.

Спустя некоторое время у Назнин рождаются две дочери: Шахана — старшая и Биби — младшая. Назнин занимается воспитанием девочек, но чем старше они становятся, все больше проявляются отличия между традиционным мусульманским укладом их семьи и культурными привычками британского общества. На примере отношения дочерей Назнин к национальной культуре автор пытается раскрыть проблему, насколько молодое поколение в семьях иммигрантов способно воспринимать родную для их родителей культуру.

В случае с дочерьми Назнин особенно показателен пример старшей. «Шахана не желает слушать классическую бенгальскую музыку. И пишет на родном языке чудовищно. Она хочет носить джинсы. Ненавидит камизы и перепортила весь свой гардероб, проливая на них краску. Если на выбор предлагается дал или консервированная фасоль, не сомневается ни секунды. При упоминании о Бангладеш кривится. Она знать не знает и знать не хочет, что Тагор был не только поэтом и нобелевским лауреатом, но и — не больше, не меньше — отцом нации. Шахане все равно. Шахана не хочет на родину» [Али 2005: 223].

«Я не просила, чтобы меня рожали здесь», — таков главный аргумент девочки на все доводы своего отца Шану о благочестивом и правильном поведении, необходимости знать родную культуру или хотя бы на просьбу одеваться в национальную одежду.

Дети бангладешцев, рожденные и воспитанные в Англии, получают большую свободу, чем их сверстники, выросшие в Бангладеш. Однако их действия, вполне обычные для англичан, могут вызвать непонимание или шокировать родителей, придерживающихся традиционных взглядов.

В качестве примера можно привести слова одного из персонажей романа, доктора Азада, который в силу своей профессии так или иначе знаком со многими проблемами внутри местной бангладешской общины: «Наши дети повторяют то, что видят здесь: заходят в пабы, ночные клубы. Или пьют у себя дома, запершись, а родители думают, что с ними все в порядке. Проблема в том, что наше общество не имеет представления о таких вещах» [Али 2005: 33].

Проблема адаптации детей бангладешских иммигрантов к европейской культуре — тема для отдельного исследования. Нежелание знать историю своих родителей и земляков, в целом неприятие культуры предков, стремление носить джинсы и есть европейскую пищу — это лишь немного из того, на чем вырастает конфликт между поколениями.

Герои романа Назнин и Шану ищут свое место в новом мире для себя и своих дочерей. Шану хочет увезти дочерей на родину, когда они подрастут, «прежде, чем они начнут портиться» [Али 2005: 33]. Назнин же не считает возвращение на родину нужным и полезным для дочерей.

Не добившись повышения, Шану увольняется со службы. Чтобы как-то прокормить семью, он устраивается работать шофером и разрешает Назнин брать швейную работу на дом. Таким образом, в их дом попадает Карим, который отдает заказы Назнин и забирает готовые изделия.

С появлением Карима нарушается весь жизненный уклад, которому следовала Назнин. Ее душевное равновесие буквально рассыпается в прах от постоянного выбора между тем, что должно делать, и тем, что бы ей хотелось на самом деле. Постепенно она осознает свои чувства к Кариму, но сама же говорит себе, что «влюбиться — это очень по-английски» [Али 2005: 554]. Назнин вступает в любовную связь с Каримом. В жизнь героини вместе с физическим удовольствием приходит мучительная душевная борьба — отдалиться своим желаниям или задушить их и следовать традиционному образу жизни. У Назнин происходит нервный срыв, который ее домашние принимают за физическое переутомление от тяжелой работы за швейной машинкой.

Конфликт долга и страсти разрешается для Назнин довольно неожиданным образом. Перед ней встает другой, более трудный для нее выбор.

Шану, ее муж, которому так и не удалось реализовать себя в британском обществе и определить в нем свое место, постепенно убеждается в необходимости возвращения на родину в Бангладеш. Он не смог заработать достаточно средств, чтобы осесть в Бангладеш и жить безбедно, но страх за дочерей вынуждает его принять окончательное решение об отъезде.

Дочери, как старшая — Шахана, так и младшая — Биби, абсолютно не принимают эту идею и не стесняются выражать свое недовольство перед отцом. Шахана даже решает на побег из дома, поскольку, рожденная в Англии, она не может себе и представить жизнь уже в чужой для нее стране.

Назнин постоянно балансирует между убежденностью мужа в правильности традиционного мусульманского уклада и стремлением дочерей к европейской жизни. Она вынуждена выбирать между родиной и чужой страной. Представления Назнин о родине складываются из того, что она знала до замужней жизни, и из писем ее сестры Хасины. Эту переписку она тщательно скрывает от Шану, поскольку ее сестра, вышедшая замуж по любви, вскоре была вынуждена уйти от мужа и сама зарабатывать себе на жизнь как придется. Посредством этих писем через своеобразное авторское видение показываются относительно безбедная жизнь Назнин в Англии и прозябание на грани нищеты ее родной сестры в Бангладеш.

Хасина описывает сестре свою жизнь и происходящие вокруг нее события: побег из дома с мужчиной вопреки воле родных, не сложившаяся семейная жизнь, работа на швейной фабрике, жизнь в бараках, занятие проституцией, работа гувернанткой и снова побег с мужчиной и т.д.

Из писем Хасины Назнин понимает, что в Бангладеш ни для нее самой, ни для ее дочерей хорошей жизни не будет. Дочери лишатся возможности выбрать свой жизненный путь и повторят судьбу Назнин, т.е. должны будут выйти замуж за выбранных родителями людей, смириться с этим и выполнять весь традиционный жизненный уклад. «Если они поедут в Дакку, она будет с Хасиной. Но дети будут несчастны. Биби, может быть, быстро оправится. Шахана же никогда не просит мать» [Али 2005: 226].

Ради дочерей, ради их возможности иметь свободу выбора Назнин принимает самостоятельное и главное решение в ее жизни — остаться в Англии. Вместе со своими подругами она занимается пошивом одежды на заказ и сама содержит себя и дочерей. Муж Назнин Шану уезжает в Бангладеш один.

Такова главная сюжетная линия романа «Брик Лейн». На примере его героев автор прослеживает несколько вариантов того, как именно проходят процессы культурной адаптации и социальной интеграции бангладешцев в британском обществе.

Эти процессы протекают по-разному у различных социальных групп. Существуют как иммигранты, полностью прошедшие адаптационный процесс, так и те, кто не смог найти свое место в британском обществе и был вынужден вернуться на родину.

Переход от национальной культуры к новым традициям — болезненный процесс особенно для тех иммигрантов, кто приезжает в Англию впервые. Они сталкиваются со множеством проблем: социальными, культурными, бытовыми. Свобода выбора — одна из основных ценностей западной культуры, которая их привлекла и ради чего они идут на болезненный отказ от собственных традиций, делая это и для себя, и, что важнее, для своих детей. Их дети также вынуждены искать свое место в новом для них обществе.

«Ты в Англии. И можешь делать все, что хочешь» [Али 2005: 638], — так автор романа Моника Али определяет возможности для детей иммигрантов, предоставляя им право самим выбирать свою судьбу.

Роман «Брик Лейн», а также одноименный фильм, снятый на его основе с актрисой Танишитхой Чаттерджи в главной роли в 2007 г., вызвали неоднозначную реакцию среди членов бангладешской общины в Великобритании. Некоторые члены общины выступали против съемок фильма, так как считали, что автор романа описывает район Брик Лейн и его жителей крайне негативно, что не соответствует действительности, и создает недопустимые образы представителей бангладешской общины в представлении жителей Великобритании и других стран.

По мнению других представителей общины, настроенных более либерально, книга и фильм могли бы стать хорошей рекламой для района и привлечь туда больше туристов.

Примечание

¹ Букеровская премия — одна из самых престижных наград в мире английской литературы. Присуждается автору, проживающему в одной из стран Содружества наций, Ирландии или Зимбабве, за роман, написанный на английском языке. Победитель получает чек на сумму 50 тысяч фунтов стерлингов. Впервые вручение награды состоялось в 1969 г. С 2002 г. спонсором Букеровской премии выступает группа компаний Man, потому полное официальное название премии — The Man Booker Prize.

² http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/5229872.stm от 05.01.2011.

Библиография

- Али М. Брик Лейн. М., 2005.
Gardner K., Shukur A. I'm Bengali, I'm Asian, and I'm living here. The changing identity of British Bengalis // R. Ballard (ed.). Desh Pradesh. The South Asian Presence in Britain. London, 1995.

М. А. Родионов

Откуда и куда течет арабское время?

Распространенное мнение о том, что в авраамических религиях время воспринимается не циклически, как в язычестве, а линейно-векторно, т.е. направлено от сотворения мира (начала времен) к концу света (последним временам, Судному дню), нуждается в уточнениях. Одно из самых ярких и часто цитируемых утверждений о противоположной направленности времени — из будущего в прошлое — содержится в «Исповеди» Блаженного Августина (354–430): «Если и будущее, и прошлое существуют, я хочу знать, где они. Если мне еще не по силам это знание, то все же я знаю, что, где бы они ни были, они там не прошлое и будущее, а настоящее. Если и там будущее есть будущее, то его там еще нет; если прошлое и там прошлое, его там уже нет. Где бы, следовательно, они ни были, каковы бы ни были, но они существуют только как настоящее <...>. Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего <...>. Мы измеряем, как я говорил, время, пока оно идет, и если бы кто-нибудь мне сказал: “откуда ты это знаешь?”, я бы ему ответил: “знаю, потому что мы измеряем его; того, что нет, мы измерить не можем, а прошлого и будущего нет”. А как можем мы измерять настоящее, когда оно не имеет длительности? Оно измеряется, следовательно, пока проходит: когда оно прошло, его не измерить: не будет того, что можно измерить. Но откуда, каким путем и куда идет время, пока мы его измеряем? Откуда, как не из будущего? Каким путем? Только через настоящее. Куда, как не в прошлое? Из того, следовательно, чего еще нет, через то, в чем нет длительности, к тому, чего уже нет» [Аврелий Августин 1991: 162–163, 292, 295–296, 298].

Через восемь веков после североафриканского епископа Августина к природе времени обратился знаменитый мусульманский мистик из Андалусии Мухий ад-дин Мухаммад Ибн ал-Араби (1165–1240). Равновеликость вечного (божественного) и временного (сотворенного) понималась им как некая сопряженность, «которая означает, что нет вечности без времени и нет времени без вечности, что вечность реализуется как время, а время как вечность» [Смирнов 1993: 99; см. также: Воробьев 2001]. В трактате «Изображение окружностей,